

Кондратий Биркин

Генрих III

*Часть сборника
Временщики и фаворитки*

Временщики и фаворитки

Кондратий Биркин

Генрих III

«Public Domain»

1870

Биркин К.

Генрих III / К. Биркин — «Public Domain», 1870 — (Временщики и фаворитки)

ISBN 978-5-457-11422-7

«За три дня до смерти Карла IX, 27 мая 1574 года, в Париже были казнены на Гревской площади граф Аннибал Коконна и Иосиф Бонифаций де Ла Моль, обвиненные и уличенные в исполнении злодейского умысла – порчи короля посредством восковых кукол, найденных у злодеев при обыске в их квартирах. Порча куколками, в которую тогда повсеместно верили, состояла в том, что из воску вылепляли фигурку, похожую на того человека, которого желали изурочить. Окрестив ее, как человека, со всеми обрядами и дав имя последнего, куколке с разными заклинаниями пронзали грудь булавкою или, протернув сквозь всю куколку свечильню, зажигали ее...»

ISBN 978-5-457-11422-7

© Биркин К., 1870
© Public Domain, 1870

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Кондратий Петрович Биркин Генрих III

*Генрих Порубленный (le Balafre), герцог Гиз. – Мария Клевская, принцесса Конде. – Красавчики (les mignons)¹
(1584–1589)*

За три дня до смерти Карла IX, 27 мая 1574 года, в Париже были казнены на Гревской площади граф Аннибал Коконна и Иосиф Бонифаций де Ла Моль, обвиненные и уличенные в исполнении злодейского умысла – порчи короля посредством восковых кукол, найденных у злодеев при обыске в их квартирах. Порча куколками, в которую тогда повсеместно верили, состояла в том, что из воску вылепливали фигурку, похожую на того человека, которого желали *изурочить*. Окрестив ее, как человека, со всеми обрядами и дав имя последнего, куколке с разными заклинаниями пронзали грудь булавкою или, проткнув сквозь всю куколку светильню, зажигали ее... Тот, на кого таким образом напускали порчу, сохнул, увядал, видимо таял, и спасти его не было никакой возможности. Все симптомы болезни умирающего Карла IX подтвердили, что он был испорчен.

Этой нелепой сказкой Екатерина Медичи маскировала истинную причину казни де Ла Моля и Коконна – причину, огласка которой могла быть источником новых кровавых столкновений между гугенотами и католиками. Дело было в том, что Генрих Наваррский и принц Конде, насильно удерживаемые при дворе, составили так называемый *скоромный заговор* (Complot des jours gras), имевший целью возведение на престол младшего сына Екатерины Медичи Франциска, герцога Алансонского, бывшего тогда королевским наместником. Он обещал начальникам предполагаемого восстания все, что они желали, то есть полную свободу богослужения кальвинистам, уступку им нескольких крепостей, семейству Монморанси – места, занимаемые Гиза-ми. Ла Моль, любимец герцога, фаворит Маргариты Наваррской и Коконна, возлюбленный Генриетты Клевской, герцогини Наваррской, были в заговоре главными деятелями. Испуганный теми размерами, которые принимал заговор, малодушный Ла Моль довел о нем до сведения Екатерины Медичи, чем, однако же, не спас от плахи ни своей головы, ни головы товарища.

Из всех жертв королевы-родительницы эти два искателя приключений всех менее достойны жалости: один, как видим, был доносчиком и трусом; а другой – тот самый граф Коконна, который резал гугенотов в Варфоломеевскую ночь.

Пользуясь болезнью сына, Екатерина Медичи деспотствовала как ей было угодно и с неослабным ожесточением преследовала гугенотов. По ее велению маршал Матиньон с сильным отрядом был отправлен в Нормандию против графа Монтгомери и Франциска де Брикевилля, барона де Куломбьер. Последний был убит при осаде Сен-Ло, а Монтгомери захвачен в плен и доставлен в Париж в самый день кончины Карла IX. По повелению королевы-родительницы пленника заточили в Консьержери, допрашивали его, разумеется, с пытками, наконец, обвиненный в государственной измене, умышлениях на спокойствие королевства, злодейском убиении пятнадцать лет тому назад короля Генриха II на турнире, Монтгомери был приговорен к смертной казни и обезглавлен 26 июня. Дети его, в том числе одиннадцать человек, были лишены доброго имени и всех прав состояния. Через месяц на Гревской площади сожгли на костре орлеанского уроженца Жофруа Балле, автора двух книжонок атеистического содержания. От роду ему было девятнадцать лет, и по всем признакам он был не в своем уме. Этими четырьмя казнями Екатерина Медичи потешала любезно-

¹ Не можем подобрать иного слова, равносильного французскому прозвищу этой орды содомитян, *камелий* в мужском платье, называвшихся также и ландышками (muquets).

верный свой город Париж в ожидании прибытия из Польши нового короля, Генриха III, с личностью которого спешим ознакомить читателя.

Этот французский Гелиогабал родился в Фонтенбло 19 сентября 1551 года, рос и воспитывался под надзором Екатерины Медичи, то есть, другими словами, в нем развивали одни только порочные наклонности, за полным отсутствием добрых качеств, в которых природа ему отказала. Хитрость заменяла в Генрихе ум, а животная чувственность – чувства человеческие. Хотя наружность обманчива и теории физиономики Лафатера, как назло, оказываются несостоятельными при их применении ко многим историческим личностям, однако же, судя по портретам Генриха III, можно сказать, что у него лицо было действительно зеркалом души. Генрих был невысокого роста, очень нежного телосложения, с мелкими чертами лица и постоянно сладенькой улыбкой на тонких губах. Сознывая неприглядность рыжих волос и бровей, он, думая сделаться красивее, пуше безобразил себя, подкрашивая волосы в черный цвет, подводя брови, румянясь и белясь не хуже отъявленной кокетки. С первых годов воцарения, когда для совершенного сходства с Гелиогабалом король воображал себя женщиной, он носил серьги, ожерелья и лифы с открытыми плечами и грудью. Наследовав от матери многие черты ее гнусного характера, Генрих, верный правилам итальянской политики, был особенно ласков и приветлив с теми, кого он ненавидел или боялся. Восемнадцать лет он принимал участие в столкновении с гугенотами, отличался в сражениях при Жар-наке, Монконтуре, но еще того более – во время Варфоломеевской ночи, так как резать полусонных и безоружных было ему тем приятнее, что не сопрягалось ни с малейшей опасностью. Благодаря проискам и золоту Екатерины Медичи польские дворяне избрали его себе в короли в 1573 году. Теперь мы сделаем небольшое отступление.

Герцог Генрих Гиз, сын покойного Франциска Лотарингского, с 1570 года был женат на Екатерине Клевской, вдове Антония де Круа, принца Порсиен. Всячески стараясь породниться с королевским домом, Гиз, дружный с Генрихом III (тогда еще герцогом Анжуйским), обратил его внимание на свою свояченицу, шестнадцатилетнюю красавицу Марию; тот влюбился в нее до безумия и, не откладывая далеко, решил жениться на Марии, но встретил неумолимую оппозицию со стороны королевы-родительницы: Мария Клевская была протестантка. Чтобы утешить опечаленного Генриха, Екатерина Медичи поручила своей фрейлине Ренате Риё де Шатонеф отвлечь его своими ласками от Марии. Рената начала свои маневры кокетством, томными взглядами, нежными вздохами – и они произвели на Генриха желанное действие: он начал ухаживать за Ренатой, ответившей отказом на его страстные домогательства. Маневр очень искусный, но тем неудачный, что в это же самое время Рената удостоивала своей благосклонностью любимца Генриха де Линьеролля. Последний в откровенную минуту похвастался герцогу Анжуйскому своими успехами и тем нанес жестокий удар его самолюбию, за который поплатился головою. Месяца за три до Варфоломеевской ночи тот же Линьеролль (а может, и другой кто-нибудь) разболтал о преднамеренных убийствах и за это по повелению герцога Анжуйского был убит его приверженцем Вилькье. Разочарованный в Ренате Шатонеф, Генрих опять обратился к Марии Клевской. Различие вероисповеданий, бывшее главным препятствием к их браку, было устранено переходом Марии 3 октября 1572 года в католицизм. Но явилось другое: Генриху, избранному в короли польские, прочили в супруги княжну Анну Ягеллон... Очарованный Марией, Генрих готов был отказаться и от руки княжны, и от королевства Польского. Видя, что сын ее окончательно потерял голову, Екатерина Медичи постаралась о скорейшей выдаче Марии Клевской за принца Генриха Конде, а герцога Анжуйского, убитого горем, отправили в Польшу, где он и царствовал по 19 июня 1574 года, то есть по самый день своего бегства во Францию, куда призывала его Екатерина Медичи на открывшуюся после смерти Карла IX ваканцию. Генрих, едучи окольными дорогами на Вену, в Венецию, оттуда в свое королевство, прибыл во Францию в сентябре. Здесь он прежде всего приступил к расторжению брака Марии

Клевс-кой с принцем Конде, ссылаясь на то, что муж ее еретик, гугенот, и не обращая внимания на беременность Марии. Бог весть чем бы кончились старания Генриха III, если бы Мария, принцесса Конде, не скончалась 30 октября 1574 года от несчастных родов. Король в неутешной своей горести дошел до карикатуры: он в течение нескольких дней безвыходно просидел в комнате, обитой черным сукном, нарядился в траурное платье, состоявшее из черного бархатного колета с вышитыми на нем серебром мертвыми головами на скрещенных костях; из мертвых голов, выточенных из слоновой кости, были тогда снизаны и его четки... Добрая утешительница, Екатерина Медичи поручила его вниманию Ренаты

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.